

Кузьменко Полина, 17 лет

Подвиг юного героя

В тринадцать лет мир кажется простым — есть свои и чужие, герои и предатели, правда и ложь. Но когда вокруг горят дома, а небо прорезают пули, границы между черным и белым начинают размываться.

Один из дней в августе 1942 года выдался на удивление погожим. Ярко светило солнце, на улицах стояла духота. Ветра не было совсем. Красный галстук был единственным ярким пятном на фоне серого, измученного войной города. Лёня бережно разгладил его грязными пальцами и спрятал под рубаху, чтобы не привлекать внимания. Он знал: если гитлеровцы заметят этот символ, назад пути уже не будет. Но куда важнее галстука был потёртый альбом с марками, который он держал в руках. Казалось бы, всего лишь детская коллекция, собранная в мирное время ради удовольствия. Но сейчас каждая марка стала больше, чем просто кусочком бумаги. На некоторых были едва заметные пометки — точки, штрихи или загнутые уголки, которые только свои могли расшифровать. Эти метки содержали секретные сообщения для партизан. Лёня прижал альбом к груди и огляделся. Улицы были пустынные, только вдалеке слышались шаги патруля.

"Спокойно, — сказал он себе, — просто обычный мальчишка, который гуляет с альбомом". Но внутри всё звенело от напряжения: сегодня предстояло доставить особенно важное сообщение. Операция, о которой говорили взрослые шепотом, зависела от него. Он шёл, изо всех сил стараясь придать себе безучастный и не привлекающий внимания вид: расслабил плечи, смотрел прямо перед собой, не оглядываясь, шёл неспеша — суета не нужна. Улица через какое-то время осталась совсем пустой. Альбом нужно было пронести через несколько кварталов и оставить в условленном месте. Казалось бы, ничего сложного. Однако, когда идёшь и чувствуешь, как горит в руках то, что, возможно, спасёт десяткам людей жизнь, что приближает тебя к общему делу; чувствуешь, как оно обжигает кожу и заставляет сердце оглушать своим бешеным стуком и подскакивать от любого шороха, — пройти пару кварталов кажется совсем не просто.

Лёня зашёл за угол и присел у стены дома, чтобы перевести дух. Он положил на колени альбом, открыл его, рассматривая сами марки и пометки на них. Рассматривал с интересом и благоговением. Вот оно, его дело! Почти сокровище, важная вещь, которая и его делает взрослым. Лёня чувствовал

гордость: он не просто пионер, он партизан! Лёня провёл пальцем по гладкой бумаге, рассматривая одну из самых красивых своих марок с паровозом. Она нравилась ему ещё и потому, что Лёня мечтал стать машинистом.

Вдруг он услышал шорох и, быстрым движением спрятав альбом за спину, обернулся. Лёня увидел, как в куче мусора роется лохматый пёс. Похоже, совсем ещё щенок. Он заинтересованно поднял голову, боязливо подошёл, смотря чёрными глазками. Лёня выставил руки вперёд, и щенок обнюхал их, проверяя, нет ли у человека чего-то подкрепиться. Лёня провёл пальцами по спутанной шерсти. Сначала осторожно, но через мгновение уже обеими руками теребил длинные уши, почёсывая лохматую голову. Лёня вспомнил охотничью собаку отца, вспомнил, как играл с ней. Кажется, так давно это было.

Щенок лизал его руки, на что Лёня тихо смеялся.

- Хороший какой. Пойдёшь со мной? - спрашивал мальчик, а затем замер. А куда он зовёт его? Сам не знает, где окажется завтра, а зовёт. Лёня вздохнул и тряхнул головой, пытаясь вернуть себе серьёзность. Нет, у него задание, он должен думать о нём в первую очередь. Затем опять посмотрел на щенка. Пыльная спутанная шерсть совсем не делала его некрасивым, чёрные глазки-бусинки светились. Очень уж хотелось взять его себе.

- Вот что, - обратился к нему Лёня, садясь на корточки. - Ты меня тут подожди, хорошо? А я, когда выполню задание, приду, и придумаем что-нибудь.

Кивнув самому себе, Лёня пошёл дальше. Щенок остался на том же месте.

Проходя по переулкам и глядя на полуразрушенные дома, Лёня не переставал думать о том, как всё так получилось. Вот он жил с отцом и матерью, отец работал на заводе, мать - на почте. И всё у них было хорошо, Лёня учился в школе, все мечтал поскорее вырасти и "стать человеком". Собирал марки, рвался заполучить такую, которой у него никогда не было. Но с 22 июня 1941 мечты и цели поменялись. Думал ли он когда-то, что его родной Брянск будет вот таким? Конечно, нет. А сейчас, задыхаясь от страха и духоты улиц, он идёт, и в руках у него - координаты склада с немецкими боеприпасами. Хоть и страшно, но было в этом что-то захватывающее.

Лёня вышел на открытую часть улицы. Как назло, там проходили патрульные.

- Эй, ты!- подозвал его немец, командуя на ломаном русском. - Куда идёшь? Что у тебя?

Лёня почувствовал, как в горле мгновенно пересохло. Он медленно и нехотя протянул альбом.

"Если они увидят шифр, если разглядят...",- с ужасом подумал он, обтирая о штанину потные ладони.

- Это...марки, - тихо ответил Лёня, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в голосе. - Коллекция моя...

Немец бросил взгляд на альбом, посмеялся и отбросил его в сторону. Лёня поспешно поднял, отряхивая пыль. Второй немец, что был с ним, бросил мальчишке конфету. Лёня машинально поймал, сунул её в карман и быстро, но не слишком, поспешил уйти. Как только гитлеровцы скрылись из виду, мальчик пустился бежать изо всех сил и остановился только тогда, когда совсем выбился из сил.

Лёня юркнул в подвал полуразрушенного дома и сел на пол у стены, сиюсь отдышаться. «Чуть не поймали... Но не поймали!- нервно рассмеялся он, чувствуя, как больно бьётся сердце в груди от испуга. Вспомнив о конфете, Лёня достал её из кармана. Шоколад слегка подтаял, но вид её всё ещё был привлекательным. Обёртка блестела, будто заманивала. «Вкусная, наверное...», - почти шёпотом сказал Лёня. Хотел развернуть, но остановился. «Маме оставлю», - подумал он, убрал конфету опять в карман.

Альбом, который он до этого прижимал к груди, Лёня оставил под деревянным ящиком в углу. Выбравшись из своего укрытия, он огляделся. Хотел уйти, но отчего-то передумал и решил дожидаться подпольщиков, передать альбом сам, рассказать, как его остановили немцы и проверили, но так и не поняли, что он несёт шифр.

Забрался опять в подвал и стал ждать, перелистывая странички с марками. Под некоторыми его слегка косым почерком было подписано, откуда эти марки.

Послышался шорох и тихая речь. Лёня вскочил и радостным голосом зашебетал:

- Дядя Саша, дядя Саша, я принёс..!- не договорив, он замер. Перед ним остановился человек в немецкой форме. Лёне хотелось заплакать. Как же так? Он же видел, улица была пустой, когда он спускался! Стало обидно от своей ошибки. Немец потянулся к альбому, Лёня прижал его к груди,

согнувшись. Затем резкий удар глухой стук об пол, тихое "ой" и частое дыхание мальчишки. Страх сковал мышцы, пальцы, окаменев, сжимали потёртую тетрадку. Фашист достал пистолет. Казалось, пролетела всего секунда, но за спиной у мужчины Лёня заметил знакомую фигуру. Заметил знакомую форму и погоны.

- Дядя Саша..,- прошептал мальчик, губ коснулась улыбка, и он с облегчением вздохнул. Затем раздался выстрел, и пальцы его расслабились, голова склонилась.

- Альбом все-таки попал в руки партизан. Операция была завершена успешно, склад с боеприпасами уничтожен. Это позволило нашим партизанам продвигаться дальше, - проговорила девушка -экскурсовод, указывая на стенд.

За окном щебетали птицы. Яркий солнечный луч, дотянувшись до застеклённого стола с экспонатами, играл бликами на потёртой красной обложке альбома с почтовыми марками, на которой едва была видна надпись косым детским почерком: «Лёня Ежов».